

Инструктор по практическим занятиям взмахнул рукой:

— Иди.

В следующий же момент Фан Уцо повернулся. Увидев, что он оглянулся, толпа молча расступилась в обе стороны, освобождая для него широкий проход.

Шаг за шагом спустившись со смотровой площадки, Фан Уцо медленно прошел сквозь толпу, дававшую ему дорогу, и под сложными взглядами окружающих покинул класс практических занятий.

Тяжелая дверь класса практических тренировок закрылась за его спиной, отсекая гудящие, словно растревоженный улей, голоса студентов.

Фан Уцо тут же почувствовал страшную слабость и прислонился спиной к массивной створке.

Холодный пот насквозь пропитал его одежду, прилипнув к коже, отчего стало душно и тяжело. Фан Уцо сам пощупал ушибленные плечи и шею и тихо поморщился.

Смог ли он одержать верх над инструктором, он, естественно, понимал лучше кого бы то ни было. Имея за плечами опыт прошлой жизни и нынешнее здоровое тело, он мог бы выиграть множеством разных способов, но размен ранениями в ответ на ранения был самым глупым из них.

И тем не менее в сложившейся ситуации это было для него выгоднее всего.

Фан Уцо не волновало, навлечет ли он на себя гнев инструктора: всему, чему следовало научиться, он уже обучился и крепко заучил наизусть.

К тому же в таком деле, как практика, требующем огромного количества тренировок, какая польза от сухих теоретических выкладок инструктора по сравнению с опытом, который Фан Уцо добыл собственным тяжелым трудом?

Посещение занятий сейчас не имело для Фан Уцо особого значения; больше всего ему были нужны время и любые материальные ресурсы, которые он только мог заполучить.

Победа над инструктором, само собой, с большой долей вероятности принесла бы ему щедрую награду от Академии, но вот от рекомендации, о которой говорил инструктор, ему определенно стоило держаться подальше!

Академия Черной Башни возвращала выдающихся Стражей, чтобы те становились воинами, защищающими человеческий дом. Рекомендация же от инструктора по практическим

занятиям несомненно означала отправку Фан Уцо прямым в армию.

Такой чести Фан Уцо вынести не мог.

Продemonстрировать себя, заставить окружающих поверить в его силу, но при этом не слишком выделяться, чтобы не навлечь на себя беду.

Теперь же, получив ранение и прибегнув к не самым честным приемчикам, даже если инструктор сам скомандовал остановиться, Фан Уцо мог легко повернуть всё в свою пользу.

Способность противостоять инструктору уже сама по себе достаточно ярко подчеркивала его талант, так что награды его, конечно, не лишат, но и слишком много не дадут — в конце концов, методы ведения боя выглядели не слишком благовидно.

Что же касается самого инструктора, то ему, как наставнику, едва не проигравшему студенту, наказания было не миновать. Впрочем, из-за того, что использованные уловки не отличались благородством, взыскание окажется не слишком суровым.

Отделавшись легким ранением, получить часть награды и при этом на вполне законных основаниях прогуливать занятия — Фан Уцо считал это весьма выгодной сделкой.

Он вытер пот со лба, шатаясь, поднялся на ноги и в одиночку направился в лазарет Черной Башни.

Система молча наблюдала за всем происходящим уже довольно долгое время и наконец не выдержала, подав голос с вопросом:

— Зачем ты вообще с ним дрался? Бай Цаньюнъ ведь даже рядом не стоял.

Стоит признать, в некоторых вещах Система была весьма мастеровита — например, она прекрасно понимала, как именно поджечь фитиль ярости Фан Уцо.

Фан Уцо терпел-терпел, но в конце концов не выдержал:

— Что? Получив это задание, я теперь обязан жить исключительно ради этого злодея?

Система тут же поспешила доказать свою невиновность:

— Я не это имел в виду.

Фан Уцо:

— Не это имел в виду, так какого черта разевал рот? Железяка, нечего сказать — так заткнись!

Система прекрасно понимала: как ни крути, а Фан Уцо оставался живым человеком, ему было больно от ран, и потому он неизбежно принимался намеренно строить из себя свирепого буяна.

Впрочем, раз уж Система находилась внутри психического поля Фан Уцо, будучи сгустком световой энергии, она ничуть не боялась, что тот в порыве раздражения схватит её и отлупит как следует.

Поэтому Система, ни капли не смущаясь явно раздраженным и мрачным выражением лица Фан Уцо, предельно прямолинейно заявила:

— Мне, разумеется, есть что сказать, только ты не спеши, выслушивай.

Фан Уцо не сбавлял шага. Он чувствовал, как из его плеча сочится кровь, а ссадины на затылке и руках адски саднили.

Ему совсем не улыбалось потерять сознание от боли прямо по дороге в лазарет.

Это было бы слишком позорно.

— Ты можешь унять боль? Если нет, то не мешай мне. — Кровь, стекавшая с плеча Фан Уцо, добралась по руке до кончиков пальцев и каплями падала на землю.

Система:

— Хотя я и не умею унимать боль, но я знаю, что Бай Цаньюнь он...

Остатки терпения Фан Уцо почти иссякли:

— Либо ты сейчас затыкаешься, либо затыкаешься после того, как я тебя обругаю.

Стоило ему почувствовать боль, как на смену ей приходило раздражение, а вместе с ним портился и характер. Он и раньше-то недолюбливал эту паршивую Систему, а теперь и вовсе находил её совершенно бесполезную болтовню невероятно бесячей.

Время ли сейчас вспоминать про какого-то там Бай Цаньюня?

Здесь вообще ровно ноль Бай Цаньюней!

Плечо находилось слишком близко к голове, и боль ощущалась предельно отчетливо. Когда инструктор в самом конце поединка бросил Фан Уцо плашмя на пол, тот еще и ударился головой... Даже для Стража ранга В головная боль такой силы вполне могла нарушить стабильность психики.

Молодое тело еще не успело зачерстветь от бесчисленных битв и заново обрести оцепенение перед болью. И хотя в душе всё еще таился боевой опыт прошлых лет, плоть оставалась не закаленной, сохраняя некую капризность избалованного новичка.

В висках Фан Уцо пульсировало, перед глазами то и дело вспыхивали искорки. Плотно сжав зубы, он опирался рукой о стену коридора.

До лазарета оставалось совсем чуть-чуть, и Фан Уцо уже почти позволил себе выдохнуть с облегчением, как вдруг из-за поворота кто-то вылетел и с размаху врезался в него, заставив потерявшего бдительность парня отступить на два шага назад.

У Фан Уцо едва дыхание не перехватило:

— Ты...

— Прости, прости! Ты в порядке?

Слабый, смутно знакомый голос испуганно и растерянно извинялся, но прежде чем Фан Уцо успел собраться с силами и разглядеть, кто же в него врезался, этот человек с искренним желанием помочь шагнул вперед и попытался поддержать его.

Возможно, из-за темной формы кровь, пропитавшая половину рукава Фан Уцо, бросалась в глаза не так сильно, но чужие руки уже обхватили его за предплечье, пытаясь приподнять.

Фан Уцо:

— ...

Твою мать.

Однако выругаться он так и не успел — боль нанесла удар по мозгу первой.

В глазах у него потемнело, и он рухнул лицом вперед.

Бай Цаньюнь никак не ожидал, что возможность отплатить своему благодетелю представится так быстро.

Страж, который всего вчера столь властно вмешался в происходящее в снарядной и вытащил его из неприятностей, сегодня стоял бледный как полотно и обессиленно падал в его объятия.

Сердце Бай Цаньюня бешено колотилось — то ли от радости и волнения, что ему выпал шанс вернуть долг, то ли от тревоги при виде раненого Фан Уцо.

Какое-то время он пребывал в полной растерянности.

Тело потерявшего сознание парня расслабилось, прильнув к груди Бай Цаньюня. Его изящные черты лица находились совсем, совсем близко — так близко, что Бай Цаньюнь почти боялся дышать.

Он бережно обнял Фан Уцо. Страх причинить тому боль заставил его преодолеть этот короткий путь к лазарету невообразимо медленно.

Наконец аккуратно уложив Фан Уцо на кровать в процедурной, Бай Цаньюнь посмотрел на собственные руки, перепачканные чужой кровью, и сердце его сжалось от невыносимой, безграничной жалости к пострадавшему.

Этот Страж — такой добрый, готовый прийти на помощь даже совершенно незнакомому Бай Цаньюню... Кто же этот негодяй, совершивший столь мерзкий поступок и поднявший руку на столь прекрасного человека!

Малышки, девочки, жёны, будущие великие толстосумы!

Ваш покорный слуга, любящий вас пуще всего на свете, сегодня вовсе не празднует день рождения, но всё же отчаянно жаждет капельку питательной жидкости и крошечную звездочку в подборку. Не сыщется ли среди моих читателей тех, кто готов исполнить мое маленькое желание? [Обнимашки]

(Уверенно падает на колени) (Бьет челом) (Умоляю, добавьте в избранное и подбросьте питательной жидкости, умоляю-моляю-моляю)

Глава 9 Что произошло?

Фан Уцо с трудом разлепил веки.

Одеяло на нем было мягким, сухим и пушистым, потолок перед глазами — ослепительно белым, а лампа в поле зрения излучала мертвенно-бледный свет.

Где это он?

Мозг еще окутывала пелена, и Фан Уцо не сразу сообразил, что к чему.

Он попытался осторожно пошевелиться, как вдруг у самого уха раздался звонкий металлический стук. Напуганный этим звуком, он резко повернул голову в ту сторону, но тут же замер: бесчисленные мелкие уколы боли в области плеч и шеи пронзили нервы, и воспоминания мгновенно вернулись к нему.

— Тсс... — Фан Уцо судорожно втянул воздух и с трудом приподнялся на кровати.

Одеяло соскользнуло с груди к поясу. Опустив взгляд, Фан Уцо обнаружил, что испачканную кровью, влажную и тяжелую форму Академии Черной Башни с него сняли, облачив в просторную белую рубашку, предназначенную исключительно для лазарета. Рубашка еще не была застегнута на пуговицы, обнажая туго обмотанную плотной повязкой грудь.

Взгляд Фан Уцо метнулся по сторонам, запястье легко повернулось, задействовав плечевой и локтевой суставы: выходит, пока он был без сознания, кто-то не только залечил его раны, но и передел его?

Он обернулся в угол, откуда доносился шум: худая фигура растерянно мялась на месте, обе руки судорожно теребили край одежды, а испуганные глаза то и дело украдкой косились на Фан Уцо.

И так было понятно: в комнате находились лишь двое, и раз сам Фан Уцо был без сознания, сменить ему одежду, обработать раны и перевязать их мог только Бай Цаньюнь.

Их взгляды встретились в воздухе, и лицо Бай Цаньюня в ту же секунду залилось ярким румянцем.

Фан Уцо был хорош собой, да и телосложением не обделен: природная крепость и мощь, свойственные телам Стражей, у него выглядели плавными линиями мышц без малейшего намека на излишнюю громоздкость. Когда Бай Цаньюнь нес его в лазарет, то с удивлением понял, что Фан Уцо вовсе не такой тяжелый.

Но под этим слоем ладно скроенных мышц по-прежнему таилась пугающая взрывная сила.

...Прекрасно.

Чувствуя себя не в своей тарелке, парень инстинктивно хотел опустить голову, но удержаться и не бросить еще хоть один взгляд на лицо Фан Уцо оказалось выше его сил.

Кстати говоря, кожа на лице у того тоже была очень мягкой.

— Бр... Брат Фан, ты очнулся? Прости, я только что случайно задел твою рану... Я, я уже всё залечил, у тебя еще где-нибудь болит? — Уши Бай Цаньюня покраснели, но он изо всех сил старался делать вид, что держится уверенно.

Фан Уцо не нашелся что ответить, поэтому просто механически кивнул, а затем так же механически покачал головой.

В глубине его психического поля Система ехидно хмыкнула:

— Только не говори мне, что ты забыл, кто это.

Даже по одному этому тону Системы Фан Уцо мог легко догадаться, кем был этот робкий Проводник.

— Бай Цаньюнь.

Услышав свое имя, Бай Цаньюнь вздрогнул, и в его глазах вспыхнул яркий свет:

— Это я, Брат Фан, ты меня помнишь!

Он чуть было и впрямь не забыл, но против постоянного зудения Системы над ухом не попрешь — тут попробуй забунь.

Фан Уцо коснулся повязки, протянувшейся от плеча до груди, и жестом подозвал Бай Цаньюня ближе:

— Это ты тоже сам мне завязал?

<http://bllate.org/book/25821/3086034>